

Эротическая
литература

ЭРОТИ
ЧЕСКИЕ
рассказы
русских
писателей

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-993
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э81

Дизайн макета и обложки *Ибрагима Халбаева*
Составление *Олеси Молевой*

В оформлении переплёта использовано изображение картины
Вильяма Бутро. «Нимфы и сатир» (1873, Институт искусств
Стерлинга и Франсин Кларк, Уильямстаун).

Э81 Эротические рассказы русских писателей: [сборник] / Иван
Бунин, Лев Толстой, Антон Чехов [и др.]. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2026. — 192 с. — (Эротическая литература).

ISBN 978-5-17-189857-1

В книге собраны редкие и искренние произведения, раскрывающие
границы человеческих страстей и интимных переживаний русских класси-
ков. Эти тексты — не только окно в мир запретных желаний, но и часть
богатой культурной традиции, где искусство слова переплетается с тай-
нами человеческой души. Погрузитесь в чувственную атмосферу эпохи,
ищущую баланс между нравственностью и страстью, и откройте для себя
новые грани русской литературной классики.

УДК 821.161.1-993
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

СОДЕРЖАНИЕ

8 *Лев Толстой*
ДЬЯВОЛ

13 *Лев Толстой*
ДЬЯВОЛ

16 *Антон Чехов*
О ЛЮБВИ

26 *Антон Чехов*
НЕСЧАСТЬЕ

39 *Фёдор Сологуб*
КРАСОТА

41 *Фёдор Сологуб*
ЦАРИЦА ПОЦЕЛУЕВ

49 *Максим Горький*
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ И ОДНА

64 *Зинаида Гиппиус*
ТВАРЬ

- Зинаида Гиппиус*
78 **ВЛЮБЛЁННЫЕ**
- Иван Бунин*
83 **ЛЁГКОЕ ДЫХАНИЕ**
- Иван Бунин*
89 **СОЛНЕЧНЫЙ УДАР**
- Иван Бунин*
97 **КАВКАЗ**
- Иван Бунин*
102 **МУЗА**
- Иван Бунин*
108 **РУСЯ**
- Иван Бунин*
118 **АНТИГОНА**
- Иван Бунин*
127 **ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ**
- Иван Бунин*
133 **ТАНЯ**
- Иван Бунин*
151 **ГАЛЯ ГАНСКАЯ**
- Иван Бунин*
159 **НАЧАЛО**

Леонид Андреев

162 **БЕЗДНА**

Валерий Брюсов

176 **ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ**

Тэффи (Надежда Лохвицкая)

186 **ЛЕГЕНДА И ЖИЗНЬ**

Лев Толстой

ДЬЯВОЛ

(отрывок)

III

Но решить дело самому с собой было одно, привести же его в исполнение было другое. Самому подойти к женщине невозможно. К какой? где? Надо через кого-нибудь, но к кому обратиться?

Случилось ему раз зайти напиться в лесную караулку. Сторожем был бывший охотник отца. Евгений Иванович разговорился с ним, и сторож стал рассказывать старинные истории про кутежи на охоте. И Евгению Ивановичу пришло в голову, что хорошо бы было здесь, в караулке или в лесу, устроить это. Он только не знал как, и возьмётся ли за это старый Данила. «Может-быть, он ужаснётся от такого предложения, и я осрамлюсь, а может, очень просто согласится». Так он думал, слушая рассказы Данилы. Данила рассказывал, как они стояли в отъезде поле у дьячихи, и как Пряничникову он привёл бабу.

«Можно», подумал Евгений.

— Ваш батюшка, царство небесное, этими глупостями не занимался.

«Нельзя», подумал Евгений, но, чтобы исследовать, сказал:

— Как же ты такими делами нехорошими занимался?

— А что же тут худого? И она рада и мой Федор Захарыч довольны-предовольны. Мне рубль. Ведь как же и быть ему-то? Тоже живая кость. Чай вино пьёт.

«Да, можно сказать», подумал Евгений и тотчас же приступил.

— А знаешь, — он почувствовал, как он багрово покраснел, — знаешь, Данила, я измучался. — Данила улыбнулся. — Я всё-таки не монах — привык.

Он чувствовал, что глупо всё, что он говорит, но радовался, потому что Данила одобрял.

— Что ж, вы бы давно сказали, это можно, — сказал он. — Вы только скажите какую.

— Ах, право, мне всё равно. Ну, разумеется, чтоб не безобразная была и здоровая.

— Понял! — откусил Данила. Он подумал. — Ох, хороша штучка есть, — начал он. Опять Евгений покраснел. — Хороша штучка. Извольте видеть, выдали её по осени, — Данила стал шептать, — а он ничего не может сделать. Ведь это на охотника что стоит.

Евгений сморщился даже от стыда.

— Нет, нет, — заговорил он. — Мне совсем не то нужно. Мне, напротив (что могло быть напротив?), мне, напротив, надо, чтобы только здоровая, да поменьше хлопот — солдатка или эдак...

— Знаю. Это, значит, Степаниду вам предоставить. Муж в городе, всё равно как солдатка. А бабочка хорошая, чистая. Будете довольны. Я и то ей намесь говорю — пойди, а она...

— Ну, так когда же?

— Да хоть завтра. Я вот пойду за табаком и зайду, а в обед приходите сюда али за огород к бане. Никого нет. Да и в обед весь народ спит.

— Ну, хорошо.

Страшное волнение охватило Евгения, когда он поехал домой. «Что такое будет? Что такое крестьянка? Что-нибудь вдруг безобразное, ужасное. Нет, они красивы, — говорил он себе, вспоминая тех, на которых он заглядывался. — Но что я скажу, что я сделаю?»

Целый день он был не свой. На другой день в 12 часов он пошёл к караулке. Данила стоял в дверях и молча значительно кивнул головой к лесу. Кровь прилила к сердцу Евгения, он почувствовал его и пошёл к огороду. Никого. Подошёл к бане. Никого. Заглянул туда, вышел и вдруг услышал треск сломленной ветки. Он оглянулся, она стояла в чаще за оврагом. Он бросился туда через овраг. В овраге была

крапива, которой он не заметил. Он острекался и, потеряв с носу пенснэ, вбежал на противоположный бугор. В белой вышитой занавеске, красно-бурой паневе, красном ярком платке, с босыми ногами, свежая, твёрдая, красивая, она стояла и робко улыбалась.

— Тут кругом тропочка, обошли бы, — сказала она. — А мы давно. Голомя.

Он подошёл к ней и, оглядываясь, коснулся её.

Через четверть часа они разошлись, он нашёл пенснэ и зашёл к Даниле и в ответ на вопрос его: «довольны ль, барин?» — дал ему рубль и пошёл домой.

Он был доволен. Стыд был только сначала. Но потом прошёл. И всё было хорошо. Главное, хорошо, что ему теперь легко, спокойно, бодро. — её он хорошенько даже не рассмотрел. Помнил, что чистая, свежая, недурная и простая, без гримас. «Чья, бишь, она? — говорил он себе. — Печникова он сказал? Какая же это Печникова?»* Ведь их два двора. Должно быть, Михайлы старика сноха. Да, верно его. У него ведь сын живет в Москве, спрошу у Данилы когда-нибудь».

С этих пор устранилась эта важная прежде неприятность деревенской жизни — невольное воздержание. Свобода мысли Евгения уже не нарушалась, и он мог свободно заниматься своими делами.

А дело, которое взял на себя Евгений, было очень нелёгкое: иногда ему казалось, что он не выдержит, и кончится тем, что всё-таки придётся продать имение, все труды его пропадут, и, главное, что окажется, что не выдержал, не сумел доделать того, за что взялся. Это больше всего тревожило его. Не успевал он заткнуть кое-как одной дыры, как раскрывалась новая, неожиданная.

Во всё это время всё оказывались новые и новые неизвестные прежде долги отца. Видно было, что отец в последнее время брал где попало. Во время раздела в мае Евгений думал, что он знает наконец всё. Но вдруг в середине лета он получил письмо, из которого оказывалось, что

* В дальнейшем вместо фамилии Печников — фамилия Пчельников. — *Примеч. ред.*

был ещё долг вдове Есиповой в 12 тысяч. Векселя не было, была простая расписка, которую можно было, по словам поверенного, оспаривать. Но Евгению и в голову не могло придти отказаться от уплаты действительного долга отца только потому, что можно было оспаривать документ. — Ему надо было узнать только наверное, действительный ли это был долг.

— Мама! что такое Есипова Калерия Владимировна? — спросил он у матери, когда они по обыкновению сошлись за обедом.

— Есипова? Да это воспитанница дедушки. А что?

Евгений рассказал матери про письмо.

— Удивляюсь, как ей не совестно. Твой папа ей сколько передавал.

— Но должны мы ей?

— Т. е. как тебе сказать? Долгу нет, папа по своей бесконечной доброте...

— Да, но папа считал это долгом.

— Не могу я тебе сказать. Не знаю. Знаю, что тебе и так тяжело.

Евгений видел, что Марья Павловна сама не знала, как сказать, и как бы выпытывала его.

— Из этого я вижу, что надо платить, — сказал сын. — Я завтра поеду к ней и поговорю, нельзя ли отсрочить.

— Ах, как мне жалко тебя. Но, знаешь, лучше. Ты ей скажи, что она должна подождать, — говорила Марья Павловна, очевидно успокоенная и гордая решением сына.

Положение Евгения было особенно трудно оттого ещё, что мать, жившая с ним, совсем не понимала его положения. Она всю жизнь привыкла жить так широко, что не могла представить себе даже того положения, в котором был сын, т. е. того, что нынче-завтра дела могли устроиться так, что у них ничего не останется, и сыну придётся всё продать и жить и содержать мать одной службой, которая в его положении могла ему дать много-много 2000 рублей. Она не понимала, что спастись от этого положения можно только урезкой расходов во всем, и потому не могла понять, зачем Евгений так стеснялся в мелочах, в расходах на садовников, кучеров, на прислугу и стол даже. Кроме того, как большинство вдов,

она питала к памяти покойника чувства благоговения, далеко не похожие на те, которые она имела к нему, пока он был жив, и не допускала мысли о том, что то, что делал или завёл покойник, могло быть худо и изменено.

Евгений поддерживал с большим напряжением и сад, и оранжерею с двумя садовниками, и конюшню с двумя кучерами. Марья же Павловна наивно думала, что, не жалуясь на стол, который готовил старик повар, и на то, что дорожки в парке не все были чищены, и что вместо лакеев был один мальчик, что она делает всё, что может мать, жертвующая собой для своего сына. — Так и в этом новом долге, в котором Евгений видел для себя почти что добивающий удар всем его предприятиям, Мария Павловна видела только случай, выказавший благородство Евгения. Марья Павловна не беспокоилась очень о материальном положении Евгения ещё и потому, что она была уверена, что он сделает блестящую партию, которая поправит всё. Партию же он мог сделать самую блестящую. Она знала десяток семей, которые счастливы были отдать за него дочь. И она желала как можно скорее устроить это.

Лев Толстой

ДЬЯВОЛ

(отрывок)

XV

Большую часть времени Евгений проводил у постели жены, служил ей, говорил с ней, читал с ней и, что было труднее всего, без ропота переносил нападки Варвары Алексеевны и даже сумел из этих нападок сделать предмет шутки.

Но он не мог сидеть дома. Во-первых, жена посылала его, говоря, что он заболеет, если будет сидеть всё с нею, а во-вторых, хозяйство всё шло так, что на каждом шагу требовало его присутствия. Он не мог сидеть дома, а был в поле, в лесу, в саду, на гумне, и везде не мысль только, а живой образ Степаниды преследовал его так, что он редко только забывал про неё. Но это было бы ничего; он, может быть, сумел бы преодолеть это чувство, но хуже всего было то, что он прежде жил месяцами не видя её, теперь же беспрестанно видел и встречал её. Она, очевидно, поняла, что он хочет возобновить сношения с нею, и старалась попадаться ему. Ни им ни ею не было сказано ничего, и оттого и он и она не шли прямо на свиданье, а старались только сходиться.

Место, где можно было сойтись, это был лес, куда бабы ходили с мешками за травой для коров. И Евгений знал это и потому каждый день проходил мимо этого леса. Каждый день он говорил себе, что он не пойдёт, и каждый день кончалось тем, что он направлялся к лесу и, услышав звук голосов, останавливаясь за кустом, с замиранием сердца выглядывал, не она ли это.

Зачем ему нужно было знать, не она ли это? Он не знал. Если бы это была она и одна, он не пошёл бы к ней, — так он

думал, — он убежал бы; но ему нужно было видеть её. Один раз он встретил её: в то время как он входил в лес, она выходила из него с другими двумя бабами и тяжёлым мешком, полным травы, на спине. Немного раньше и он бы, может быть, столкнулся с нею в лесу. Теперь же ей невозможно было на виду других баб вернуться к нему в лес. Но, несмотря на сознаваемую им эту невозможность, он долго, рискуя обратить этим на себя внимание других баб, стоял за кустом орешника. Разумеется, она не вернулась, но он простоял здесь долго. И, Боже мой, с какой прелестью рисовало ему её его воображение. И это было не один раз, а пятый, шестой раз. И что дальше, то сильнее. Никогда она так привлекательна не казалась ему. Да и не то что привлекательна; никогда она так вполне не владела им.

Он чувствовал, что терял волю над собой, становился почти помешанным. Строгость его к себе не ослаблялась ни на волос; напротив, он видел всю мерзость своих желаний, даже поступков, потому что хождение его по лесу был поступок. Он знал, что стоило ему столкнуться с ней где-нибудь близко, в темноте, если бы можно, прикоснуться к ней, и он отдастся своему чувству. Он знал, что только стыд перед людьми, перед ней и перед собой держал его. И он знал, что он искал условий, в которых бы не был замечен этот стыд — темноты или такого прикосновения, при котором стыд этот заглушится животной страстью. И потому он знал, что он мерзкий преступник, и презирал и ненавидел себя всеми силами души. Он ненавидел себя потому, что всё ещё не сдавался. Каждый день он молился Богу о том, чтобы Он подкрепил, спас его от гибели, каждый день он решал, что отныне он не сделает ни одного шага, не оглянется на неё, забудет её. Каждый день он придумывал средства, чтобы избавиться от этого наваждения, и употреблял эти средства.

Но всё было напрасно.

Одно из средств было постоянное занятие; другое было усиленная физическая работа и пост; третье было представление себе ясное того стыда, который обрушится на его голову, когда все узнают это — жена, тёща, люди. Он всё это делал, и ему казалось, что он побеждает, но приходило

время, полдень, время прежних свиданий и время, когда он её встретил за травой, и он шёл в лес.

Так прошли мучительные 5 дней. Он только видал её издалека, но ни разу не сошёлся с нею.